

Эмантон Морн

ДЖУЛИЕТ

Hope of Salvation Mission

2008

© 2008 Русское издание – Hope of Salvation Mission
P.O. Box 5022, Vancouver, WA 98668-5022
www.hopeofsalvation.org
ISBN 1-932247-71-8

Эглантон Торн
ДЖУЛИЕТ

Кроме особо оговоренных случаев, все цитаты из Библии приводятся по Синодальному переводу.

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, без письменного разрешения издателя.

Содержание

1. ДОМ, РАЗДЕЛИВШИЙСЯ САМ В СЕБЕ.....	7
2. НЕПОДХОДЯЩАЯ ПОДРУГА.....	21
3. ЗНАКОМСТВО С БОГЕМОЙ.....	34
4. РАСКАЯНИЕ.....	44
5. БЕЗРАДОСТНОЕ БУДУЩЕЕ.....	57
6. ДЖУЛИЕТ ЕДЕТ НА СОБЕСЕДОВАНИЕ.....	69
7. ПОЯВЛЕНИЕ БОГАТОГО ДЯДЮШКИ.....	80
8. СУДЬБА УЛЫБАЕТСЯ ДЖУЛИЕТ.....	88
9. ИСПОЛНЕНИЕ ЖЕЛАНИЙ.....	103
10. ГУБИТЕЛЬНЫЙ ПУТЬ.....	115
11. ЕГО ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО.....	126
12. ВРЕМЯ ДЕНЕГ.....	138
13. ОШИБКА ЗА ОШИБКОЙ.....	150
14. ИСКУШЕНИЕ.....	162
15. ДЖУЛИЕТ ПОКИДАЕТ ДОМ.....	175
16. РОКОВОЙ ШАГ.....	189
17. СОН И ЯВЬ.....	200
18. ОДНА В ПАРИЖЕ.....	208
19. РАДОСТНАЯ ВСТРЕЧА С САЛОМЕЕЙ.....	221
20. РАЗРУШЕННАЯ ИЛЛЮЗИЯ.....	229
21. ПЛОДЫ СВОЕВОЛИЯ.....	243
22. ЛУЧ НАДЕЖДЫ.....	254

23. НЕРАСКРЫВШИЙСЯ ТАЛАНТ.....	265
24. ЯРМАРКА.....	277
25. ОСЕНЬ И ВЕСНА.....	292

Глава 7

ДОМ, РАЗДЕЛИВШИЙСЯ САМ В СЕБЕ

— *Т*де же девочки?

— Мама, ты хочешь сказать, где Ханна? Джулиет придет, когда ей вздумается. Но где же Ханна?

Миссис Трейси лишь вздохнула. Она сидела в низком кресле и смотрела в окно, которое выходило на приусадебный участок. Здесь на узкой клумбе вдоль дорожки благоухали примулы и желтофиоли, а на альпинарии под окнами росли крепкие и пышные папоротники. В дальнем конце участка, прямо у металлической ограды, отделявшей его от дороги, стояли три высоких и разросшихся тополя. Они

загораживали дом от оживленной улицы. Глядя в окно, Трейси видела проезжавшие мимо омнибусы и трамваи. Знакомые пытались убедить миссис Трейси в том, что деревья не пропускают воздух и следует их вовсе спилить. Но хозяйка чувствовала, что в таком случае станет совершенно невыносимо жить вблизи шумной дороги. Сравнительно небольшая рента за старомодную усадьбу, известную как Тополя, являлась для семьи приемлемой.

Трейси – хрупкая на вид женщина. Когда-то у нее было хорошенькое личико, которое, впрочем, и сейчас не утратило привлекательности. Миссис уютно устроилась в своем кресле с вязанием на коленях. Одета она была в манере, абсолютно приличествующей ее пятидесяти годам, но кружева, столь мило ниспадавшие на шею, изящная прическа из мелких завитков с бантом из розовой ленты выказывали, что женщина была отнюдь не равнодушна к своей внешности. На ее маленьких гладких белых ручках сверкали элегантные кольца; маленькие ножки на подушечке были обуты в аккуратные бархатные тапочки с блестящими пряжками. Миссис Трейси любила красивые вещи.

Дочь, занятая сервировкой обеденного стола, ни в коей мере не напоминала мать. Саломея Грант была высокой и стройной молодой женщиной двадцати семи лет с волосами песочного цвета, бледно-голубыми глазами и пунцовым румянцем на лице. Густые волосы гладко зачесаны и тщательно уложены. Вся наружность старшей дочери выказывала

аскетичную натуру. Саржевое платье Саломеи хорошо облегалo фигуру, однако в нем отсутствовало то, что портные называют «изящество». Каждый мог подтвердить, что Саломея обладает исключительными качествами, но, несомненно, никто с первого взгляда не счел бы ее настолько интересной, чтобы искать предлог для знакомства.

– Ханна идет, – сказала Саломея, выглянув в окно, когда услышала скрип ворот. Вскоре в комнату вошла Ханна. Она была почти на два года старше Саломеи и больше напоминала свою сестру, чем мать. Тем не менее, Ханна выглядела привлекательнее Саломеи. Волосы темные, лицо не столь пунцовое, глаза более глубокой голубизны. Ее широкий прямой лоб выказывал большую силу ума, в то время как жесткие очертания рта и подбородка – силу воли, граничившую с упрямством. Она казалась сильной, одаренной, энергичной женщиной. Ханна стремительно вошла в комнату с тревогой на лице. Она преподавала в гимназии, расположенной в северном предместье Лондона, где и жила миссис Трейси с дочерьми. Ханна прилежно трудилась и значительно улучшила свое положение с тех пор, как устроилась на должность, завоевав репутацию самой знающей учительницы и строгой поборницы дисциплины. Она и Саломея были дочерьми миссис Трейси от первого брака с трезвомыслящим и трудолюбивым деловым человеком из Глазго. Сестры напоминали своего практичного, рассудительного и хладнокровного шотландского

отца намного больше, чем хорошенькую, нежную, маленькую англичанку, которую он, забыв о благо-разумии, взял себе в жены.

– Прости, что опоздала, мама, – произнесла Ханна четким, уверенным голосом, – но я не виновата. Я увидела Джулиет на игровой площадке с этой ужасной девчонкой Халкомб и хотела увести ее домой. У Джулиет было скверное настроение, она говорила со мной не слишком учтиво. Поначалу сестра колебалась, но все же дала понять, что готова подчиниться. А в итоге пошла со своей новой подружкой в совершенно другую сторону.

– Боже! – произнесла миссис Трейси. Румянец залил ее бледное лицо.

– Мама, разве ты не говорила Джулиет, чтобы она не водилась с этой девицей?

– Да, дорогая, я говорила ей об этом. Но Джулиет, похоже, не желает прислушиваться к моим словам. Они учатся в одном классе, потому и держатся вместе. Поскорее бы Джулиет закончила гимназию. И тогда они вряд ли будут часто видеться.

– Пока Джулиет окончит гимназию, она успеет набраться дурного от дочери артиста, – заметила Ханна. – Неужели ты поощряешь такую дружбу?

– Дорогая! Мне это не нравится. Не говори так. А что, отец этой девочки и вправду артист?

– Я не знаю, играет ли он на сцене, – произнесла неуверенно Ханна, – но кто-то говорил, что этот человек имеет какое-то отношение к театру в Боу. Его сын поет в мюзик-холле.

– Вот с такими людьми общается Джулиет! – воскликнула возмущенно Саломея. – Эта дружба закончится тем, что девчонка сама захочет стать артисткой. Никогда не знаешь, что на уме у нашей Джулиет. Похоже, у нее совершенно отсутствует здравый смысл.

– Не говори плохо о сестре, – воспротивилась мать. – Джулиет ничего не знает об отце и сыне-артисте, а та девочка, возможно, не такая скверная.

– Ты бы ее видела! – воскликнула Ханна. – Она одевается по самой последней моде, носит яркие украшения. В целом – вульгарна. Лицо ужасно накрашено. А учится так, что хуже не бывает. Это оценка бывшей классной наставницы. Такая личность не делает коллективу гимназии чести.

– Джулиет надо запретить общение с этой девицей, – заметила Саломея.

– Легко сказать, – ответила мать, – но вы знаете, что с Джулиет нельзя обходиться слишком сурово – она начнет дерзить. И кто тогда с девчонкой сладит? Полагаю, Джулиет умышленно выставляет эту дружбу напоказ, чтобы досадить вам.

– Это вполне вероятно, – сказала Ханна с горечью. – Что ж, думается, ты когда-нибудь пожалеешь о том, что не воспитывала Джулиет в строгости. Ты не будешь ставить ей прибор, мама?

Миссис Трейси недовольно вздохнула. Через несколько минут они уже сидели за обеденным столом. Мать была удручена и ела с неохотой. Она испытывала некоторое благоговение перед старшими

дочерьми с их примерным поведением и безупречными взглядами на жизнь. Миссис Трейси всегда чувствовала, что дети вправе сожалеть о ее браке с капитаном Трейси, веселым, бравым ирландским офицером, который был на несколько лет моложе супруги. Ханна и Саломея с раннего детства выказывали свое недовольство.

Вскоре после свадьбы полк, в котором служил капитан, откомандировали в Индию. Вместе с супругом собралась в путь и молодая жена, а детей решили оставить в Англии – родственник мужа предложил свою заботу о двух девочках. Миссис Трейси прожила на чужбине семь лет и вернулась в Англию вдовой, привезя с собой очаровательную капризную малютку с солнечными волосами и фиалковыми глазами. Бравый капитан получил серьезную травму во время игры в поло, в результате чего умер. Вдова искренне его оплакивала, хотя Трейси был никудышным мужем, равнодушным к заботам о семейном благосостоянии.

Этот праздный человек жил в собственное удовольствие и проматывал деньги жены. Но свое равнодушие к жене капитан Трейси умел тщательно скрывать. Он выказывал супруге нежное и ласковое отношение, а она до последнего дня страстно любила своего непутевого мужа, постоянно оплачивала его долги, лишь изредка робко протестуя против его мотовства. Эти расходы, невзирая на все возражения шотландского поверенного, серьезно истощили финансовые ресурсы миссис Трейси. Она вернулась

домой и обнаружила, что собственность, оставленная ей первым мужем, изрядно уменьшилась, а это означало, что всю оставшуюся жизнь следует прибегать к жесткой экономии, дабы восполнить промотанное капитаном Трейси состояние. Это был очень болезненный урок. И еще более горький от того, что, как ей представлялось, старшие дочери имели право упрекать мать в легкомысленном отношении к их интересам.

К этому времени Ханна и Саломея стали взрослыми. Высокородный, безукоризненный, однако немного ограниченный шотландец оставил в их характере свой след. Девушки теперь едва походили на родных дочерей миссис Трейси, были куда более правильны и методичны в поступках, чем мать, имели строгие воззрения на то, как следует использовать время и деньги. Миссис Трейси даже слегка побаивалась своих весьма умудренных девочек. Мать ценила в них добропорядочность, но желала, чтобы старшие дочери были более уступчивы и умели иногда мириться с недостатками своей хорошенькой, но своенравной сводной сестры. Ведь они так суровы с бедной маленькой Джулиет! И материнское сердце неизменно льнуло к младшей дочери. При этом обе старшие дочери быстро разглядели, что матушка любит Джулиет больше. Джулиет стала в семье постоянным раздражителем. Старшие дочери видели в ней нарушительницу домашнего спокойствия. Но все же Джулиет продолжала оставаться совершенно избалованной любимицей матери.

В течение нескольких лет после возвращения из Индии миссис Трейси испытывала большие финансовые затруднения. Но прилежание, с которым училась Ханна, радовало мать. Дочь сдавала экзамены один за другим, и добилась большого успеха – получила должность учительницы младших классов гимназии. Вот тогда-то, восемь лет назад, миссис Трейси и позволила себе снять усадьбу Тополя.

Обед подходил к концу, когда громкий и очень характерный стук в дверь объявил о возвращении Джулиет.

Через минуту она вошла в гостиную – хрупкая, грациозная девушка, которой никто не дал бы более семнадцати лет, хотя на самом деле ей исполнилось девятнадцать.

Внешне Джулиет сильно отличалась от сестер. Она была утонченна, бледна и имела глаза того нежно-голубоватого оттенка, который скорее напоминает фиалковый, нежели голубой. Из-под соломенной шляпки выбивались волны мягких, блестящих волос золотистого цвета. Волнистые, шелковистые локоны Джулиет всегда были в той или иной степени непричесанны. Возможно, так она выражала протест против аккуратных причесок своих сестер. Ее саржевое платье производило совершенно иное впечатление, нежели платье Саломеи, хотя пошито было из того же материала.

Миссис Трейси обернулась к Джулиет с приветливой улыбкой. Ей было радостно видеть милое, светлое, улыбающееся лицо. Мать полагала, что

очарование этого юного создания ни для кого не может остаться незамеченным. Но сестры видели в манерах Джулиет лишь признаки тех качеств ума и натуры, которые считали особо отвратительными, а ее привлекательность была для них лишь отягчающим обстоятельством, подчеркивающим размеры безрассудства.

Девушка вошла в комнату, размахивая связкой книг в руке. Оглядев всех с беззаботным видом, она подошла к матери и склонилась для поцелуя.

– Отчего так поздно, Джулиет? – спросила мать с легким упреком в голосе. – Видишь, мы уже почти отобедали.

– Я немного прогулялась с Флосси Халкомб, – ответила Джулиет, вызывающе посмотрев на Ханну. – Она хотела мне что-то рассказать. Я не думала, что уже так поздно.

– Я просила тебя поторопиться, – произнесла Ханна.

– Как мило с твоей стороны, – парировала девушка с невозмутимой холодностью, – боюсь, я выпустила из виду это обстоятельство. Но вот, наконец, я дома и отчаянно голодна, матушка, так что пора подкрепиться.

– Моя дорогая Джулиет! – запротестовала миссис Трейси.

– Ты ведь не сядешь за стол в таком виде? – сказала Саломея.

– Почему нет? – пожала плечами Джулиет. – Вполне прилично садиться за обед в шляпке.

– Но это семейный обед, – возразила Ханна.

– А какая разница? – не согласилась Джулиет. – Передай, пожалуйста, картофель, Саломея. Не надо так смотреть на мои руки, они совершенно чистые, уверяю тебя. Я помыла их в гардеробной, прежде чем уйти из школы. Только представь, что я – миссис Хейз, и все будет хорошо.

– Перестаньте, милые, – поспешно вмешалась миссис Трейси, встретив неодобрительные взгляды старших дочерей, – будет лучше, если Джулиет быстрее пообедаст. Ханна так раздражается, когда мы затягиваем с едой.

– Ты бы лучше поговорила об этом со своей сестрой, – подчеркнула Саломея. – Не Ханна и не я затягиваем обед.

– Разумеется, это ко мне, – иронично произнесла Джулиет, – во всем, что происходит, всегда моя вина.

– Помолчи, дорогая! – примирительно сказала миссис Трейси, чувствуя неловкость.

Но Джулиет нелегко было усмирить. Ханна и Саломея отгородились гордым молчанием, а Джулиет продолжала говорить весело и беззаботно, будто намереваясь показать сестрам, что ей абсолютно безразлично их неодобрение. Она была очаровательна – с мягким румянцем на щеках и веселыми искорками в глазах. Мать можно было простить за любвеобильное восхищение, так и читавшееся в ее взгляде. Несмотря на дерзкую раскованность, в поведении Джулиет не ощущалось ни крупинки гру-

бости. Даже в самых безрассудных поступках у нее всегда наблюдалось доброе расположение. В речах она все еще была откровенна и смела, как мальчишка. И в этом заключалось все очарование свежего и юного девичества. Джулиет пользовалась благорасположением в гимназии. Все ощущали силу ее очарования, доброты и светлой беззаботности. Девушка даже не пыталась приспособиться к сестрам. Она всегда находила дерзкое удовольствие в том, чтобы шокировать и дразнить их.

Вскоре с обедом было покончено. Ханна и Саломея, сославшись на дела, ушли. Когда за ними закрылась дверь, Джулиет вздохнула с облегчением.

– Слава Богу, ушли! – обрадовалась любимица матери. – Какие же они нудные!

– Дорогая! Не думаю, что можно в подобном тоне говорить о сестрах.

– Неужели? – усомнилась Джулиет, оборачиваясь к матери с улыбкой, которая, похоже, тут же рассеяла всю остроту момента. – Но мы всегда счастливы остаться дома вдвоем, дорогая матушка. Ты не можешь этого отрицать. В этом доме две партии: с одной стороны – ты и я, с другой – Ханна и Саломея. Мы с тобой виги, а они тори. Это дом, разделившийся сам в себе.

– Надеюсь, это не так! – воскликнула миссис Трейси. – Ты знаешь, что говорит Библия о доме, который разделился сам в себе?

– Что он падет, – ответила Джулиет серьезно. – Иногда я думаю, как долго выстоит наш дом. Ханна

должна каким-то образом понять, что когда мне исполнится двадцать один год, я стану жить самостоятельно и буду делать все, что захочу.

– Нельзя так говорить, ведь Ханна желает тебе только добра, – встревожилась миссис Трейси.

– Естественно! – засмеялась Джулиет с сарказмом. – Полагаю, она из лучших побуждений весьма нетактично силилась увести меня от Флосси Халкомб. Флосси тут же поняла ее намерения и обиделась.

– Ах, это было нехорошо! – согласилась сочувственно миссис Трейси. – Но, дорогая, боюсь, что эта мисс Халкомб – неподходящая подружка.

– Матушка, милая, Ханна чересчур пристрастна, она наговаривает. Флосси на самом деле очень хорошая девушка. Можно я как-нибудь приведу ее к нам, чтобы ты с ней познакомилась?

– Боюсь, это будет неуместно, Джулиет. Твоим сестрам появление в доме Флосси не понравится.

– О, ты всегда считаешься с ними! – воскликнула Джулиет в нетерпении. – Сестры полагают, что мистер Халкомб не может быть уважаемым человеком, поскольку имеет некое отношение к театру. А если бы он находился на вершине славы, как Ирвинг, сестры сами бы искали знакомства с Флосси!

– Не думаю, что это как-то изменило бы отношение твоих сестер, Джулиет.

– Что ж, возможно, их чувства остались бы прежними, – согласилась девушка, – но так поступило бы большинство учителей и учениц гимназии.

Стыдно смотреть на то, как они избегают Флосси. А я всецело на ее стороне. Флосси говорит, что я у нее единственная подруга. И я буду верна ей.

Миссис Трейси молча восприняла эту страстную тираду. Мать сочувствовала благородной решимости Джулиет встать на сторону девушки, к которой другие люди относились с равнодушием. Когда-то она, офицерская жена, также тщетно искала дружбы тех, кто по той или иной примитивной причине стал полковой элитой. Эти люди намеренно держали миссис Трейси на расстоянии вытянутой руки. Поэтому мать не спешила говорить дочери, чтобы та непременно сдерживала свои добрые чувства.

– На моем месте ты поступила бы так же, матушка, – сказала Джулиет, глядя на мать своими фиалковыми глазами.

Миссис Трейси улыбнулась.

– Возможно, Джулиет. Но все же я не хочу, чтобы ты заводила нежелательные знакомства. Ты так молода, так мало знаешь о мире.

– Я могу мало знать о мире, – с горячностью воскликнула Джулиет, – но я вижу, что люди не так плохи, как о них говорят. Флосси мне нравится гораздо больше, чем любая важная, правильная, ограниченная особа. Такая, как Ханна. Я начинаю сомневаться в светских приличиях, которыми так кичатся Ханна и Саломея, когда вижу, насколько лучше могут быть люди, ими не обладающие.

– Дитя мое, не говори так! Ты пугаешь меня. Ханна и Саломея правы. Сестры могут быть излишне

строги, но они правы в главном. Никогда не следует пренебрегать общественным мнением. Богемные воззрения могут показаться привлекательными для молодой девушки, подобной тебе, которая об этом ничего не знает, но это, по меньшей мере, опасная стезя. Как бы мне хотелось убедить тебя!

– Только не порвать дружбу с Флосси Халкомб, у которой нет любимой мамочки, как у меня, и которой я так нужна, – сказала Джулиет, подходя к матери. Она обвила материнскую шею рукой и нежно закрыла кончиками пальцев ее уста, чтобы не слышать того, чего слышать не желала. – Ты ведь не захочешь, чтобы я сделала это, мамочка.

Затем, поцеловав и обняв мать, Джулиет выпорхнула из комнаты, звонко смеясь.

Так беседа закончилась.